

18+

АЛЕКСАНДРА АХИИЯ

Нимфы Урала

УРАЛЬСКИЙ ОКЕАН

Александра Ахия

Нимфы Урала. Уральский океан

«Издательские решения»

Ахиия А.

Нимфы Урала. Уральский океан / А. Ахиия — «Издательские решения»,

Задолго до того, как первый человек ступил на уральскую землю, задолго до того, как вздыбились горы и зашумели тайги, на месте суровых хребтов плескался великий Палеоуральский океан. Его воды простирались от края до края мира, а на западе и востоке высились два древних материка — Фенносарматия и Ангарида, разделённые бездной. И правили этим океаном пять сестёр-нимф, рождённых из первой пены волн и солёных брызг.

© Ахиия А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Эпоха Голубой Бездны	6
Глава 1. Рождение из пены	6
Глава 2. Сады Тратау	8
Глава 3. Песни Иремели и тайны Юрактау	11
Глава 4. Страж Спирали	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Нимфы Урала Уральский океан

Александра Ахиия

© Александра Ахиия, 2026

ISBN 978-5-0070-8371-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Эпоха Голубой Бездны

Глава 1. Рождение из пены

Мир был иным. Не было ни свиста ветра в хвойных вершинах, ни шороха опадающей листвы, ни топота копыт по мягкому мху. Земля представляла собой один гигантский, недвижимый массив раскаленных камней и пыльных равнин. Небо было тяжелым, цвета ржавчины, а тишину нарушал лишь низкий, утробный гул — это дышала сама планета.

Но внутри этой каменной тверди назревала буря.

Древний суперконтинент, слишком тяжелый и гордый, чтобы оставаться единым, начал трескаться. Сначала это были лишь тонкие, едва заметные паутины разломов, но с каждым тысячелетием они расширялись. Земля стонала. Из недр вырывались столбы черного дыма и багрового пламени. И вот, в один из эпохальных дней, когда время еще не измерялось часами, а лишь слоями осадочных пород, произошел Великий Разлом.

Земная твердь расступилась. В образовавшуюся бездну хлынула вода.

Она пришла не сразу. Сначала это были бурные, кипящие потоки, вырывающиеся из самых недр планеты, смешанные с паром и серой. Но затем, из-за горизонта, поднимаясь над ржавым небом, пришла Великая Вода. Океан, который помнил еще юность мира, ринулся в зияющую рану континента.

Вода била о камни с яростью, достойной стихии. Она кипела, шипела, превращаясь в облака пара, но не отступала. Миллионы лет она точила базальт, размывала края разлома, пока он не превратился в гигантский, уходящий в бесконечность пролив. Вода остывала, успокаивалась, темнела, наливаясь глубиной.

Так родился Палеоуральский океан.

Но океан — это не просто вода. Это живой организм. И когда первые бури улеглись, а поверхность воды стала гладкой, как отполированное зеркало, в этой первозданной тишине начали пробуждаться духи. Они не родились в муках, они выпали из самой сути новой стихии, сложились из ее элементов.

Первой открыла глаза Тратау.

Она родилась там, где вода была теплее всего, на мелководных шельфах, куда проникал свет. Вода вокруг нее была перенасыщена кальцием и жизнью. Тратау была старшей. Ее кожа имела оттенок теплого коралла, а волосы представляли собой живые, ветвящиеся полипы, которые тянулись к свету. Она не умела говорить, но умела создавать. Там, где ее пальцы касались голого подводного камня, расцветали сады. Риф за рифом, слой за слоем она возводила подводные города — сложные, хрупкие и невероятно прочные лабиринты, ставшие домом для первых, еще слепых и крошечных существ. Тратау была созидательницей, строгой и заботливой, знающей, что красота требует терпения и твердости.

Второй пробудилась Юрактау.

Она родилась в самой темной, холодной и тяжелой воде, которая медленно стекала по склонам подводных каньонов на самое дно. Юрактау была хранительницей глубин. Ее глаза были черными, как беззвездная ночь, и в них отражались тайны океанических впадин. Она не любила свет. Ее стихией были медленные, мощные течения, которые несли кислород в самые глухие уголки бездны. Юрактау была молчаливой, величественной и немного пугающей. Она знала, что на дне, в давящей темноте, рождается истинная сила океана.

Третьей из водной пыли и растворенных минералов соткалась Куштау.

Она была нимфой раковин и жемчуга. Куштау родилась из потребности защитить хрупкую жизнь. Ее платье было соткано из перламутра, переливающегося всеми цветами радуги,

а в руках она сжимала первые спиральные раковины. Куштау была нежной, но ее внешняя хрупкость была обманчива: ее панцирь мог выдержать давление тысяч тонн воды. Она пеклась о каждом моллюске, о каждой брахиоподе, укрывая их в своих ладонях от хищников и даруя им твердые домики.

Четвертой вырвалась на свободу Иремель.

Она родилась не в толще воды, а на самом ее гребне, там, где волны встречались с первым ветром. Иремель была соткана из морской пены, брызг и соленого ветра. Ее смех звучал как шум прибоя, разбивающегося о скалы. Она была непоседливой, дикой и свободной. Иремель танцевала на поверхности, играла с солнечными зайчиками, скользившими по волнам, и учила первых морских птиц, как парить над водой, не падая в нее. Она была голосом океана, его песней и его настроением.

И, наконец, пятой, самой младшей, пробудилась Шахтау.

Она родилась на стыке света и тени, в приливных зонах, где вода то отступала, то снова наступала на сушу. Шахтау была дерзкой и любопытной. В отличие от сестер, она не имела одной четкой стихии: она любила и мелководье, и внезапные омуты. В ее глазах плясали искры, а в руках она сжимала странный, закрученный в идеальную спираль камень — символ ритма океана, пульса, который бился в такт сердцу самой планеты. Шахтау была мостом между беззаботной поверхностью и таинственной глубиной.

Когда все пятеро собрались вместе, океан впервые вздохнул полной грудью.

Они стояли на невидимом пьедестале из воды и света. Тратау смотрела на них с материнской строгостью, Юрактау молча кивнула, признавая их силу, Куштау улыбнулась, перебирая жемчужные нити, Иремель закружилась в легком танце, окропляя всех солеными брызгами, а Шахтау, прищурившись, посмотрела в сторону далеких, еще голых берегов, где уже зарождалась новая жизнь.

— Мы есть вода, — прошелестела Тратау, и ее голос был похож на шорох коралловых ветвей. — Мы есть камень, ставший жизнью. Мы есть память этого мира.

Океан принял их. С этого дня Палеоуральский океан стал не просто водной бездной. Он стал королевством пяти сестер, и началась Эпоха Голубого Расцвета, которая продлится сотни миллионов лет. Рифы Тратау росли, течения Юрактау несли тепло, Куштау множила жизнь, Иремель пела, а Шахтау охраняла границы, где вода встречалась с камнем.

Мир был в гармонии. Но земля, та самая, что когда-то раскололась, чтобы дать им жизнь, не могла оставаться в покое навсегда...

Глава 2. Сады Тратау

Прошли десятки миллионов лет — срок, который человек не способен даже вообразить. Для нимф это время измерялось не годами, а слоями. Каждую тысячу лет Тратау добавляла новый ярус к своим рифам, и те росли вверх, к свету, подобно живым горам под водой.

К этому времени её владения стали поистине грандиозными. Если бы кто-то мог взглянуть на океан с высоты птичьего полета, он увидел бы, как посреди голубой глади белеют гигантские подводные хребты — это были рифы Тратау. Они протянулись на сотни миль, образуя целые архипелаги под водой, разделенные лагунами и проливами. По своим масштабам они не уступали будущим рифам, которые люди назовут Великими Барьерными.

Но издалека рифы казались просто белыми глыбами. Истинная их красота открывалась только тем, кто осмеливался нырнуть в их лабиринты.

Живой город

Тратау стояла на вершине своего главного рифа — того, что через сотни миллионов лет люди назовут Тратау-горой. Но сейчас это был не камень, а живой, пульсирующий организм.

Вода вокруг была теплой и прозрачной, пронизанной золотистыми лучами солнца, которые пробивались сквозь толщу океана и ложились на дно дрожащими узорами. Каждый камень, каждая веточка рифа кишели жизнью.

Здесь росли кораллы — детища Тратау. Они были разных форм и цветов: одни напоминали олени рога, тянущиеся к свету, другие раскидались плоскими пластинами, словно гигантские блюда, третьи свисали изящными веерами, колышимыми течением. Их полипы — крошечные, полупрозрачные существа с венчиком щупалец — ловили планктон из воды и строили свои известковые домики, слой за слоем, век за веком.

Между коралловыми ветвями покачивались губки — древнейшие обитатели океана. Они были похожи на бокалы, воронки и причудливые кусты, некоторые достигали роста человека. Их тела пронизывала вода, которую они фильтровали, очищая океан. Губки были молчаливыми стражами рифа, терпеливыми и неподвижными.

По дну ползали трилобиты — существа, похожие на живые щиты. Их хитиновые панцири переливались радужно, как нефтяная пленка. Они перебирали десятки ножек-кисточек, сгребая ил и органику, очищая дно рифа. Трилобиты были древними, мудрыми и немного неуклюжими — живые ископаемые еще в те времена, когда мир был молод.

Над ними, взмучивая воду, проносились наутилоидеи — предки современных наутилусов. Их прямые или слегка изогнутые раковины, длиной в несколько локтей, сверкали перламутром изнутри. Наутилоидеи были хищниками, но изящными: они реактивно двигались, выбрасывая струю воды, и хватали добычу щупальцами, обрамлявшими их ротовое отверстие.

А в тенистых расщелинах, прижавшись к камню, сидели брахиоподы — любимицы Куштау. Их раковины, похожие на изящные лампадки, были раскрыты, и из каждой пары створок высывался венчик щупалец-лофофоров, которыми они фильтровали воду. Брахиоподы были неподвижны, как монахи в молитве, и их колонии покрывали целые стены рифа, создавая живые ковры.

Философия созидания

Тратау не просто строила рифы — она вынашивала их.

Каждое утро, когда первые лучи солнца достигали дна, она обходила свои владения. Ее коралловые волосы шевелились в такт течению, и там, где они касались голого камня, начинали расти новые полипы. Тратау знала каждый выступ, каждую трещину, каждый куст губок.

— Терпение, — шептала она молодым кораллам, которые торопились вырасти слишком быстро и оттого были хрупкими. — Спешка — враг камня. Сначала основа, потом узор. Сначала твердость, потом красота.

В этом была ее философия. Тратау была самой терпеливой из сестер. Она понимала, что истинное величие создается не за день, а за эпохи. Каждый слой рифа был для нее как строка в бесконечной книге, которую она писала вместе с океаном.

Иногда к ней присоединялась Куштау. Младшая сестра приносила с собой целые семейства моллюсков и брахиопод, и они вместе выбирали место, где те могли бы прикрепиться к рифу.

— Здесь, — говорила Куштау, указывая на тенистую расщелину, где вода была богата пищей, но не слишком бурной. — Здесь они будут в безопасности.

Тратау кивала и легким движением руки формировала вокруг выбранного места небольшую нишу — идеальную защиту от хищников и сильных течений. Сестры работали в молчаливом согласии, как две руки одного тела: одна создавала дом, другая заселяла его.

Тень в лагуне

Но не все в царстве Тратау было безмятежно.

Однажды, когда нимфа обходила внешнюю границу рифа — ту самую, где вода становилась глубже и холоднее, — она почувствовала тревогу. Что-то было не так. Кораллы здесь росли медленнее, их цвета были бледнее, а среди полипов попадались мертвые, побелевшие участки.

Тратау опустилась на колени и приложила ладонь к камню. Она закрыла глаза и прислушалась.

Риф шептал ей о беде.

Из глубины, со стороны открытого океана, приходило что-то. Не течение, не шторм — а голод.

В лагуне, за внешней стеной рифа, двигалась тень. Огромная, медленная, с широким плоским телом и длинным хвостом-бичом. Это был эвриптерид — морской скорпион, достигший в теплых водах Палеоуральского океана гигантских размеров. Его клешни могли перемолоть раковину наутилоидея, а панцирь был непробиваем для большинства хищников.

Эвриптериды были падальщиками и охотниками, и они чувствовали, что риф — это не только дом, но и гигантский стол, накрытый для тех, кто достаточно силен, чтобы брать.

Тратау открыла глаза. В них не было страха — только холодная решимость созидательницы, которая знает цену каждому своему творению.

Она поднялась и поплыла к внешнему краю рифа. Ее коралловые волосы расправились, словно она стала частью самого рифа. Тратау не умела сражаться — она умела расти. И она начала расти.

Там, где эвриптерид приближался к рифу, Тратау направила всю свою силу в камень. Кораллы начали ветвиться с неестественной скоростью, сплетаясь в плотную, колючую стену. Губки выделили горькие вещества, делая этот участок несъедобным. Трилобиты, почувствовав волю нимфы, выстроились живой стеной, щит к щиту.

Эвриптерид остановился. Его фасеточные глаза, похожие на глаза гигантской мухи, оценивающе посмотрели на преграду. Он пошевелил клешнями, попробовал уколоть самый большой коралл — и отступил. Камень был слишком тверд, стена слишком густа, а добыча внутри — слишком хорошо защищена.

Тень медленно уплыла в глубину, ища более легкую пищу.

Тратау выдохнула. Ее волосы снова стали мягкими и подвижными. Она провела рукой по поврежденному участку рифа — несколько кораллов были сломаны, но основа уцелела.

— Мы выстоим, — прошептала она. — Мы всегда выстоим.

Но в глубине души она почувствовала странную дрожь. Не от эвриптерида — тот был лишь симптомом. Дрожь шла откуда-то глубже, из-под самого дна океана. Будто сама земля под рифом вздохнула и перевернулась во сне.

Тратау нахмурилась. Она позвала сестер.

Совет сестер

В тот вечер, когда солнце село и воды океана окрасились в глубокий индиго, пять нимф собрались на вершине главного рифа. Иремель сидела на самом краю, болтая ногами в воде, и напевала тихую песню. Куштау перебирала раковины, выкладывая из них узоры. Юрактау, как всегда, стояла чуть в стороне, ее темные глаза смотрели куда-то сквозь воду. Шахтау кружилась вокруг сестер, как юла.

— Что-то идет, — сказала Тратау без предисловий. — Не хищник. Что-то большее. Земля дышит иначе.

Юрактау медленно кивнула.

— Я чувствовала это, — ее голос был глухим, как звук камней на глубине. — В самых глубоких впадинах. Там, где вода почти не движется. Что-то давит снизу. Будто два огромных тела ползут навстречу друг другу.

Иремель перестала петь.

— Ты пугаешь меня, сестра, — сказала она. — Мне не нравится, когда земля стонет. Это портит песни.

— Это не стон, — возразила Юрактау. — Это движение. Медленное. Но неумолимое.

Шахтау, которая до этого молчала, вдруг прыгнула в воду и вынырнула с каким-то странным камнем в руке. Он был закручен в идеальную спираль, как раковина, но тверд, как кость.

— Геликоприон передал мне это, — сказала она. — Он говорит, что чувствует неладное. Он старый, он помнит больше нас. И он говорит, что такие движения земли бывают только раз в эру.

Сестры замолчали. Даже Куштау перестала перебирать раковины.

— Что нам делать? — спросила она тихо.

Тратау посмотрела на них — на своих сестер, на свой океан, на рифы, которые она растила миллионы лет. И впервые в жизни она не знала ответа.

— Мы будем расти, — сказала она наконец. — Мы будем крепче. Мы будем глубже. А остальное... остальное мы узнаем завтра.

Но в глубине души она чувствовала: завтра не будет похоже на вчера. Эпоха Голубой Бездны, эпоха спокойного созидания, подходила к концу. Что-то приближалось. Что-то, чему не было имени, но что изменит всё.

И где-то далеко, на западе и на востоке, два древних материка — Фенносарматия и Ангарида — медленно, но неуклонно ползли навстречу друг другу. Их движение было так медленно, что нимфы не могли его заметить. Но земля знала. И камень помнил.

Глава 3. Песни Иремели и тайны Юрактау

Мир над волнами

Если рифы Тратау были сердцем океана, то его душой была Иремель.

Она жила там, где заканчивалась вода и начиналось небо. Её мир был миром света, ветра и бесконечного движения. Иремель не знала покоя — она не могла сидеть на месте даже мгновение. Её ноги касались поверхности воды лишь затем, чтобы оттолкнуться и взлететь на гребень следующей волны.

Каждое утро Иремель встречала солнце. Она поднималась на самую высокую волну, которую могла найти, и раскидывала руки, словно хотела обнять весь горизонт. Солнечные лучи запутывались в её волосах, сотканных из морской пены, и превращались в тысячи маленьких радуг. Иремель смеялась, и её смех разносился над водой, заставляя волны плясать веселее.

Её любимым занятием были морские птицы. В те далекие времена птицы были другими — не такими, какими их увидят люди через сотни миллионов лет. Они были крупнее, с более длинными крыльями и более острыми глазами. Они еще не до конца доверяли воде, но уже не боялись её.

Иремель учила их.

— Смотри, — говорила она молодой птице, которая робко сидела на обломке коралла, боясь коснуться воды. — Вода — это не враг. Это зеркало, в котором ты можешь увидеть себя с другой стороны.

Она проводила рукой по поверхности, и волна поднималась, мягко подхватывая птицу. Та взмахивала крыльями, теряла равновесие, падала — и Иремель ловила её на лету, кружила в воздухе, снова ставила на воду.

— Чувствуешь ритм? — шептала она. — Волна идет, волна отступает. Ты не борешься с ней — ты танцуешь с ней.

И птица понимала. Она расправляла крылья, ловила восходящий поток и взмывала в небо, издавая триумфальный крик. Иремель хлопала в ладоши, и брызги разлетались вокруг неё, словно бриллиантовая пыль.

Но были у неё и более серьезные обязанности. Иремель была голосом океана. Когда над водой собирались тучи, она пела — низко, протяжно, и её песня предупреждала всех обитателей рифов о приближении шторма. Когда солнце палило слишком сильно и вода начинала цвести, она пела другую песню — быструю, звонкую, и ветер, услышав её, приходил и перемешивал воды, принося прохладу с глубин.

Иремель знала всё, что происходило на поверхности. Она видела, как меняются цвета заката, как рождаются и умирают штормы, как по небу плывут облака, похожие на белых китов. Но она почти ничего не знала о том, что происходило внизу, в глубинах.

Иногда, когда она уставала от своего вечного танца, она садилась на гребень самой большой волны и смотрела вниз, в темную воду. Там, далеко внизу, было что-то — невидимое, таинственное, пугающее. Иремель чувствовала, что там, в глубине, есть её сестра Юрактау, но они редко встречались. Их миры были слишком разными.

— Почему ты не поднимаешься ко мне? — кричала она иногда вниз, в воду. — Там так красиво! Солнце, ветер, птицы...

Но в ответ приходил лишь глухой, далекий шум — голос глубины, который не понимал её песен.

Хранительница бездны

Юрактау не понимала песен сестры, потому что она жила в мире, где не было ни света, ни звука, ни движения.

Её царством была бездна — самая темная, самая холодная, самая глубокая часть океана. Там, куда не проникал даже самый сильный солнечный луч, где давление воды могло раздавить камень, где время текло иначе — медленно, тягуче, словно янтарь.

Юрактау была хранительницей этого мира. Она не создавала, как Тратау, не защищала, как Куштау, не пела, как Иремель. Она *поддерживала*. Её задачей было следить за тем, чтобы глубинные течения несли кислород в самые дальние уголки океана, чтобы холодная вода со дна поднималась вверх, а теплая — опускалась вниз, создавая вечный круговорот, который поддерживал жизнь во всем океане.

Юрактау двигалась медленно, почти неслышно. Её темное платье сливалось с водой, её черные глаза видели в полной темноте, её руки чувствовали малейшие изменения в движении течений. Она была похожа на саму бездну — тихую, величественную, немного пугающую.

Её мир был населен существами, которых никогда не видели сестры, жившие на поверхности. Здесь, в вечной темноте, обитали странные, слепые рыбы с светящимися органами, похожими на фонари. Здесь ползали по дну гигантские черви, толщиной с человеческую руку, которые питались органикой, падающей сверху — тем, что люди через сотни миллионов лет назовут «морским снегом». Здесь жили моллюски с раковинами, которые светились в темноте холодным голубым светом.

Юрактау знала каждое из этих существ. Она гладила их по головам, когда они подплывали к ней, шептала им слова на языке глубин — языке, который состоял не из звуков, а из вибраций, из изменений давления, из медленных пульсаций течений.

Но в последнее время Юрактау чувствовала беспокойство.

Движение земли

Она заметила это впервые несколько тысяч лет назад — срок, который для неё был лишь мгновением.

Юрактау обходила самую глубокую впадину океана — узкий, темный каньон, уходивший в недра земли на несколько километров. Здесь вода была особенно холодной, особенно тяжелой. Здесь Юрактау чувствовала себя дома.

И вдруг она почувствовала вибрацию.

Это было не течение. Не движение воды. Это было что-то другое — низкое, глухое, идущее откуда-то снизу, из-под самого дна океана. Будто гигантское сердце забилося где-то в недрах земли.

Юрактау остановилась. Она приложила ладони к камню и закрыла глаза.

Вибрация повторилась. И еще раз. Медленная, ритмичная, неумолимая.

Юрактау открыла глаза. В её черных глазах отразился страх — впервые за миллионы лет.

Она знала, что это значит. Она слышала об этом от самых древних духов земли, тех, кто жил в камнях с самого рождения мира. Это было движение континентов.

Два огромных материка — Фенносарматия на западе и Ангарида на востоке — начали ползти навстречу друг другу. Их движение было так медленно, что его нельзя было заметить за один день, за один год, даже за тысячу лет. Но земля чувствовала это. Земля стонала под их весом.

И это движение изменит всё.

Юрактау поднялась со дна впадины и поплыла вверх, к поверхности. Ей нужно было увидеть сестер. Ей нужно было рассказать им о том, что она почувствовала.

Встреча на полпути

Она поднималась долго. Вода вокруг становилась теплее, светлее. Появились первые лучи солнца, проникающие сквозь толщу воды. Юрактау щурилась — она не привыкла к свету.

На полпути, в сумеречной зоне, где свет уже был, но его было мало, она встретила Ирмель.

Старшая сестра сидела на гребне волны, свесив ноги в воду, и напевала тихую песню. Услышав шаги Юрактау, она обернулась и улыбнулась.

— Сестра! — воскликнула она. — Как редко ты поднимаешься к нам! Посмотри, какой сегодня красивый день! Солнце...

Но Юрактау не улыбнулась в ответ. Её лицо было серьезным, её черные глаза смотрели куда-то сквозь Ирмель.

— Нам нужно поговорить, — сказала она. — Со всеми сестрами.

Ирмель перестала петь. Она почувствовала, что что-то не так. В голосе Юрактау была та же вибрация, что она иногда ощущала, когда спускалась слишком глубоко — низкая, тревожная, идущая из самых недр земли.

— Что случилось? — спросила она тихо.

Юрактау посмотрела на неё, и в её глазах Ирмель увидела то, чего никогда раньше не видела — страх.

— Земля движется, — сказала Юрактау. — Материки ползут навстречу друг другу. Океан... океан умирает.

Ирмель замерла. Волна под ней качнулась, но она не почувствовала этого. Она смотрела на сестру, и в её голове пронеслись тысячи образов — солнце, ветер, птицы, песни, танцы на гребнях волн. Всё это — исчезнет?

— Как? — прошептала она. — Как это может быть? Мы же вечны...

— Нет, — покачала головой Юрактау. — Мы не вечны. Вечен только камень. А мы — вода. А вода... вода уходит.

Они молчали долго. Волны качались вокруг них, солнце медленно клонилось к закату, окрашивая небо в багровые и золотые тона. Ирмель смотрела на закат, и впервые в жизни ей казалось, что он не красив, а страшен.

— Мы должны собрать сестер, — сказала она наконец. — Все вместе. Мы должны решить, что делать.

Юрактау кивнула.

— Да, — сказала она. — Все вместе. И еще кое-кто.

— Кто?

— Геликоприон, — ответила Юрактау. — Он старый. Он помнит больше нас. И он чувствует то же, что и я. Возможно, он знает, что нам делать.

Ирмель вздрогнула. Она слышала о Геликоприоне — древнем страже океана, который жил в самых глубоких водах, на границе между их миром и бездной Юрактау. Говорили, что он так стар, что помнит время, когда океан только родился. Говорили, что его челюсть закручена в спираль, как раковина наутилуса, и что он может перемалывать камни.

— Ты хочешь позвать его? — спросила она.

— Да, — сказала Юрактау. — Потому что только он может сказать нам правду. А правда, боюсь, будет горькой.

Они поплыли вниз, к рифам Тратау, чтобы собрать остальных сестер. Вода вокруг них была темной, холодной, полной тайн. Ирмель впервые чувствовала себя не дома. Впервые она боялась глубины.

А где-то далеко, на самом дне океана, в темной впадине, двигалась огромная тень. Геликоприон, древний страж, почувствовал зов сестер и медленно поднял свою голову. Его спиральная челюсть блеснула в темноте, как лезвие ножа.

Он знал, что случилось. Он ждал этого миллионы лет.

И теперь он был готов говорить.

Г лава 4. Страж Спирали

Младшая и Левиафан

Шахтау не боялась глубины. В этом она отличалась от Иремели, которая даже на полпути ко дну начинала тревожно оглядываться. Шахтау ныряла легко, с удовольствием, словно вода сама расступалась перед ней, пропуская в свои тайные покои.

Она любила сумеречную зону — тот странный слой океана, где свет уже не достигал дна, но и тьма еще не была полной. Здесь вода была синей, густой, прохладной. Здесь не было ни веселых птиц Иремели, ни ярких кораллов Тратау. Здесь царила тишина, и в этой тишине Шахтау чувствовала себя свободнее всего.

Именно здесь, в сумеречной зоне, на границе между светом и тьмой, она впервые встретила Геликоприона.

Это случилось давно — так давно, что даже Шахтау, самая младшая из сестер, помнила тот день смутно, как помнят первый сон. Она была совсем юной, только-только пробудившейся из приливной пены, и бродила по дну, собирая странные закрученные камни. Она не знала, зачем собирает их, — просто чувствовала, что они важны. Что в их спирали записан какой-то ритм, какой-то пульс, который бьется в такт сердцу самой планеты.

И тогда из темноты выплыл он.

Шахтау замерла. Существо было огромным — в три, в четыре раза длиннее её самой. Его тело было обтекаемым, хрящевым, покрытым шершавой кожей цвета мокрого сланца. Широкие грудные плавники медленно, величественно двигались, словно крылья подводной птицы. Длинный хвост покачивался из стороны в сторону, и каждое его движение создавало волну, которая расходилась по воде, как круги от брошенного камня.

Но самое поразительное было в его голове.

Нижняя челюсть Геликоприона была закручена в идеальную, безупречную спираль — точь-в-точь как раковина наutilusа, только сделанная не из перламутра, а из сотен острых, загнутых назад зубов. Спираль вращалась медленно, бесконечно, словно колесо вечности. Каждый зуб был размером с ладонь Шахтау, и каждый был острым, как обсидиановый нож.

Шахтау не закричала. Не отплыла. Она просто стояла и смотрела, а существо смотрело на неё.

Его глаза были маленькими, глубоко посаженными, цвета старого янтаря. В них не было голода. Не было злобы. В них было что-то другое — бесконечная, тяжелая, каменная усталость. Усталость того, кто видел слишком много.

Геликоприон открыл пасть, и спираль повернулась. Из глубины его горла вырвался звук — не рык, не крик, а низкий, вибрирующий гул, который Шахтау почувствовала не ушами, а всем телом. Грудная клетка задрожала, кости отозвались, и она поняла.

— Ты собираешь мои старые зубы, — сказал гул. — Те, что я теряю. Они закручены, как время. Ты чувствуешь их ритм.

Шахтау посмотрела на камни в своих руках. И правда — они были не камнями. Это были старые зубы, выпавшие из спирали Геликоприона за миллионы лет. Окаменевшие, покрытые известковым налетом, но все еще хранящие в себе ту самую идеальную спираль.

— Да, — прошептала она. — Они поют. Тихо. Но я слышу.

Геликоприон моргнул. Медленно. Как моргает гора, когда с неё сходит лавина.

— Тогда ты можешь остаться, — сказал он. — Остальные боятся меня. Даже твои сестры. А ты — нет.

С того дня Шахтау стала приходить к нему. Каждый день, когда солнце клонилось к закату и Иремель засыпала на гребне последней волны, Шахтау ныряла в сумеречную зону и садилась рядом с Геликоприоном. Он лежал на дне, полуприкрыв глаза, его спираль медленно

вращалась, перемалывая раковины аммонитов и наutilusоидей, которых он ловил в окрестных водах. А Шахтау сидела рядом и слушала.

Он рассказывал ей о мире, который был до их мира.

Память камня

— Я помню время, когда здесь не было воды, — говорил Геликоприон, и его гулкий голос разносился по дну, заставляя песок вибрировать. — Помню раскаленный камень и черный дым. Помню, как пришла первая вода — горячая, злая, кипящая. Она обжигала. Но потом остыла. И стало тихо.

Шахтау слушала, подперев щеку рукой. Вокруг них медленно кружились мелкие рыбы, не решаясь подплыть ближе.

— Я родился, когда океан был молод, — продолжал Геликоприон. — Не так молод, как ты. Но молод. Тогда здесь не было рифов. Не было кораллов. Только голый камень и или я плавал в пустоте. Один. Долго.

— А потом? — спрашивала Шахтау.

— А потом пришли вы. Пять искр из пены. И океан перестал быть пустым. Тратау начала строить свои сады, и мне стало... интересно. Я стал плавать вокруг них. Охранять. Не потому что кто-то просил. Просто... — он замолчал, и спираль его челюсти повернулась на пол-оборота. — Просто пустота была хуже.

Шахтау улыбнулась. Она знала, что Геликоприон не любил говорить о чувствах. Он был существом камня и воды, древним, как сама земля, и слова давались ему тяжело, как тяжелые капли смолы, из которых рождается янтарь.

— Ты страж, — сказала она.

— Я память, — поправил он. — Страж защищает от врагов. А я помню. Помню каждый слой, каждый виток спирали. Каждый зуб, который я потерял, — это эпоха. Посмотри.

Он приоткрыл пасть, и Шахтау увидела спираль вблизи. Она была огромной — в два человеческих роста. Зубы в ней были расположены по спирали, от самых маленьких, молодых, на внешнем крае, до самых старых, стертых, в самом центре. И каждый зуб был немного другим — чуть длиннее, чуть короче, чуть более загнутым. Как годовичные кольца дерева. Как слои осадочных пород.

— Здесь записана история океана, — сказал Геликоприон. — Каждый зуб — тысяча лет. А в центре... в центре — самое начало. Я не могу его достать. Не могу его увидеть. Но я чувствую его. Чувствую первый день, когда вода коснулась камня.

Шахтау протянула руку и коснулась спирали. Зубы были гладкими, теплыми, и от них шла легкая вибрация — тот самый ритм, который она чувствовала в окаменелостях на дне. Ритм планеты. Ритм времени.

— И что говорит тебе этот ритм сейчас? — спросила она тихо.

Геликоприон закрыл глаза. Спираль остановилась. Вода вокруг них замерла.

— Он говорит, — произнес он медленно, — что время воды подходит к концу.

Совет в глубине

Сестры пришли к нему на следующее утро.

Тратау плыла первой, и её коралловые волосы были собраны в тугий узел — знак того, что она тревожится. За ней следовала Куштау, прижимая к груди раковину, словно талисман. Иремель держалась ближе к поверхности, то и дело выныривая за глотком воздуха, и её лицо было непривычно серьезным. Юрактау двигалась в тени, как всегда, но сегодня в её черных глазах горел странный огонь.

Шахтау ждала их на дне, сидя на широкой спине Геликоприона. Левиафан лежал неподвижно, и его спираль была закрыта — он не хотел пугать сестер. Но когда Тратау увидела его, она все равно остановилась.

— Он огромный, — прошептала Куштау.

— Он старый, — поправила Шахтау. — Это разные вещи.

Геликоприон медленно открыл глаза. Янтарный взгляд обвел сестер, задержался на каждой. На Тратау — с уважением. На Юрактау — с узнаванием. На Куштау — с мягкостью. На Иремель — с любопытством. На Шахтау — с теплотой, которую он не показывал никому другому.

— Вы пришли, — сказал он. Его голос был гулом, идущим отовсюду и ниоткуда. — Я ждал вас. Давно ждал.

— Ты знаешь, зачем мы здесь, — сказала Тратау. Не вопрос. Утверждение.

— Знаю, — кивнул Геликоприон. — Юрактау почувствовала движение. Иремель перестала петь. Тратау увидела, что рифы бледнеют. Куштау заметила, что моллюски мигрируют. А Шахтау... — он повернул голову к младшей сестре. — Шахтау давно знает. Она просто не хотела верить.

Шахтау опустила глаза.

— Расскажи нам, — попросила Тратау. — Что ты помнишь? Что ты знаешь?

Геликоприон вздохнул. Из его жабр вырвалась струя пузырьков, и вода вокруг помутнела на мгновение.

— Я помню, как мир был одним целым, — начал он. — Один камень. Одна твердь. Потом он раскололся, и пришла вода. Океан родился в ране земли. И я думал — навсегда. Я думал, что вода будет всегда, потому что рана была глубокой. Но я ошибался.

Он помолчал. Спираль его челюсти медленно повернулась.

— Материки живые, — продолжил он. — Не так, как мы. Не так, как рыбы или кораллы. Они живые иначе. Они ползут. Медленно. Так медленно, что за одну жизнь — даже за мою жизнь — не заметишь разницы. Но за тысячу жизней... за миллион жизней... они проходят расстояние, равное ширине океана.

— Фенносарматия и Ангарида, — прошептала Юрактау.

— Да. Они ползут навстречу друг другу. И между ними — мы. Наш океан. Наш дом. — Геликоприон закрыл глаза. — Через несколько десятков миллионов лет они встретятся. И океана не станет.

Тишина. Абсолютная, давящая тишина глубины. Даже Иремель перестала ерзать.

— Не станет? — переспросила Куштау. Её голос дрожал. — Совсем?

— Совсем, — сказал Геликоприон. — Вода уйдет. Вытесненная камнем. Рифы Тратау окажутся на суше. Глубины Юрактау станут горами. Пески, по которым ползают мои моллюски, станут равнинами. А мы...

Он не договорил.

— А мы? — повторила Иремель. Её голос был тонким, как крик чайки в шторм.

— Мы — вода, — сказал Геликоприон. — А вода не может жить без воды. Когда океан уйдет, мы уйдем вместе с ним. Растворимся. Испаримся. Станем облаком, которое унесет ветер, и больше никогда не соберемся вместе.

Куштау заплакала. Её слезы, падая на дно, превращались в маленькие жемчужины, которые тут же подхватывало течение. Иремель обняла её, и сама дрожала, как лист на ветру.

Тратау стояла неподвижно. Её лицо было каменным — таким же каменным, каким через миллионы лет станут её рифы.

— Есть ли выход? — спросила она. Голос ровный. Спокойный. Голос созидательницы, которая привыкла искать решение, а не причитать.

Геликоприон посмотрел на неё долгим, тяжелым взглядом.

— Есть, — сказал он. — Но он потребует от вас того, чего вы никогда не делали. Вы должны будете перестать быть водой.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась Юрактау.

— Камень вечен, — сказал Геликоприон. — Вода — нет. Но вода может стать камнем. Может выбрать камень. Отдать свою текучесть, свою свободу, свою песню — и застыть. Навсегда. Стать частью горы. Стать частью рифа, который уже не будет живым, но будет помнить.

Сестры молчали.

— Ты предлагаешь нам умереть, — сказала Иремель. Впервые в жизни в её голосе не было ни смеха, ни песни.

— Я предлагаю вам остаться, — поправил Геликоприон. — Умереть — это исчезнуть. А стать камнем — это остаться. Другой. непохожей на себя. Без голоса, без движения, без танца. Но — остаться. И помнить. Миллионы лет. Миллиарды. Пока кто-нибудь не придет и не прикоснется к камню, и не почувствует в нем эхо волны.

Шахтау, которая до этого молчала, вдруг соскользнула со спины Геликоприона и встала перед ним.

— А ты? — спросила она. — Что будет с тобой?

Геликоприон посмотрел на неё. В его янтарных глазах мелькнуло что-то — не страх, не грусть, а принятие. Спокойное, каменное принятие.

— Я усну, — сказал он. — Свернусь. Уйду в самую глубокую пещеру, какую смогу найти. И буду спать. А моя спираль... моя спираль станет камнем. И кто-нибудь, через много-много лет, найдет её. И не поймет, что это. И будет спорить сто лет, что это такое — челюсть или плавник, оружие или украшение. — Он издал звук, похожий на смех. Низкий, гулкий, усталый смех. — А это будет просто моя улыбка. Застывшая. Навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.